

Николай ТИМОНИН

г. Сыктывкар

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Рассказ о Михаиле Михайловиче Ермолаеве

Передо мной книга: «Арктика – мой дом. Полярная энциклопедия школьника» (История освоения Севера в биографиях знаменитых людей), изданная в Москве в 2000 г. На стр. 244 помещена статья о Ермолаеве Михаиле Михайловиче – арктическом геологе, мерзлотоведе, путешественнике, докторе геолого-минералогических наук, почетном члене Русского географического общества.

В этой статье я с удивлением прочитал, что «...после возвращения на Большую Землю (из плавания на ледокольном пароходе «Садко») М.М.Ермолаев был репрессирован, долгие годы провел в тюрьмах, а в 1945–1949 гг. работал в Коми филиале АН СССР...»

Дело в том, что М.М.Ермолаев никогда не работал ни в Коми филиале АН СССР, ни в Коми Базе Академии наук. Я обратился за консультацией в Научный архив Коми НЦ УрО РАН, где мне показали тоненькую папку с делом М.М.Ермолаева, содержащего всего несколько страниц машинописного текста. На обложке дела было написано «... К работе не приступал». На стр. 12 содержался «Приказ по Управлению Севжелдорлага НКВД СССР от 6 июня 1945 г. за № 05/05/126-271 пос. Железнодорожный (ныне г. Емва)», который предписывал «...откомандировать Ермолаева Михаила Михайловича, руководителя группы

стройматериалов производственного отдела, в распоряжение Академии наук в Коми АССР, г.Сыктывкар, с 8/VI 1945 года согласно распоряжению ГУЛАГа НКВД СССР за № 42/65892».

Следующая страница дела содержала личное заявление М.М.Ермолаева от 1/XI-44 г. «...с просьбой оказать содействие в моем переходе на работу в систему Академии наук, на ее Базе в г. Сыктывкаре».

Кроме указанных документов, в деле были и другие, в частности справка о возможности использовать большой опыт полярного исследователя в условиях Базы АН СССР в Коми АССР в должности заведующего сектором геологии. В переписку о привлечении к работе в Коми АССР М.М.Ермолаева были также подключены секретари Коми Обкома ВКП(б) Г.И.Осипов и А.И.Тараненко, председатель Совета Министров Коми АССР С.Д. Турышев, которые неоднократно обращались с письмами к секретарям ЦК ВКП(б) П.К.Пономаренко и С.П.Кузнецову с просьбой дать указание министру геологии И.И.Малышеву на перевод М.М.Ермолаева в распоряжение Коми Базы АН СССР. Как отреагировали высокие партийные власти, осталось неизвестным – в личном деле М.М.Ермолаева копий их ответов не обнаружено.

Михаил Михайлович Ермолаев родился 16 ноября 1905 г. в Екатеринодаре (ныне Краснодар). Его отец, Михаил Николаевич, – военный инженер-электрик, с 1915 до 1918 г. участвовал в Первой мировой войне. После возвращения с фронта он был направлен в Главное управление комиссариата по военным делам РСФСР, где занимался организацией отдела подводного флота. 22.02.1919 г. он умер в Москве. Мать М.М.Ермолаева, Леонилла Васильевна, пережила ленинградскую блокаду и умерла в Ленинграде 16.07.1943 г.

М.М.Ермолаев рано начал самостоятельно работать, с 1920 г. служил рассыльным в продотделе, чтобы содержать больную мать. Вскоре после окончания школы по комсомольской мобилизации он был послан в Адыгейскую автономную область, в аул Понезужай, младшим учителем. В 1921 г. Горским исполкомом Адыгеи Михаил был направлен в Ленинград для продолжения учебы, где поступил на металлургический факультет Политехнического института имени М.И.Калинина.

Не имея стипендии, во время учебы в институте Михаил работал техническим сотрудником в Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ, которой руководил Р.Л.Самойлович. В те годы на металлургическом факультете института под руководством академика Ф.Ю.Левинсон-Лессинга и будущего академика Д.С.Белянкина работал петрографо-геохимический семинар, активное участие в работе которого определило дальнейшую судьбу М.М.Ермолаева как ученого.

В 1924 г., будучи студентом IV курса, М.М.Ермолаев простудился во время сильнейшего наводнения на Неве и заболел тяжелой формой туберкулеза, врачи «отмерили» ему всего 1,5 года жизни! Михаил решил прожить оставшееся время с толком и интересом и сумел уговорить своего первого наставника Р.Л.Самойловича, женатого на родной сестре М.М.Ермолаева, Елене Михайловне, взять его с собой в морскую экспедицию на Новую Землю на парусно-моторной шхуне «Эльдинг». Так, в 1925 г. в экспедиции появился 20-летний юнга, он же коллектор-геолог, топограф, лаборант, рабочий...

Во время этой экспедиции, снаряженной на особые средства Совнаркома СССР, М.М.Ермолаев участвовал в гидрографической описи и топографической съемке вновь открытых заливов Новой Земли – Русанова, Седова, Неупокоева, а также прилегающего вновь открытого восточного берега Новой Земли, к югу от места зимовья В.Баренца.

Во время плавания, в один из промозглых ав-

густовских дней 1925 г., шхуна вошла в Русскую Гавань – в широкий разлапистый залив. На берег для производства научных наблюдений высадились двое – начальник экспедиции и юнга. Разгулявшаяся непогода вынудила их искать убежища под маленькой, опрокинутой кверху килем шлюпкой. Тесно прижавшись друг к другу, Самойлович и Ермолаев мечтали о том, что на берегах этого великолепного залива, обрамленного сияющими голубыми ледниками и удобными бухточками, когда-нибудь возникнет научно-исследовательская полярная станция...

Затем были еще несколько экспедиций, морских и сухопутных, с Самойловичем и без него. М.М.Ермолаев продолжал навещать на Новую Землю, в другие ее бухты, на другие горы и острова. За съемку вновь открытых заливов и островов М.М.Ермолаев получил благодарности Совнаркома СССР и премию в размере 6-месячного оклада. В 1926–1927 гг. он продолжает учиться в Политехническом институте, начал самостоятельную работу по обследованию Тиманского щелочного массива в Чешской губе. В 1927 г. закончил учебу в Политехническом институте, продолжил работу в качестве младшего научного сотрудника Института по изучению Севера на северном Тимане, Новой Земле, на юге Земли Франца-Иосифа, исследовал донные отложения Баренцева и Карского морей.

Прогноз медиков не оправдался, тяжелая болезнь отступила! В 1928 г. Ленинградский туберкулезный институт констатировал полное излечение М.М.Ермолаева, но рекомендовал ему остаться работать в Арктике.

Арктика продолжает воспитывать характер

В 1926 г. Советское правительство поручило Академии наук СССР приступить к организации постоянно действующей Арктической аэролого-метеорологической станции на одном из островов Новосибирского архипелага. Геофизическую станцию решено было построить на мысе Шалаурова (остров Большой Ляховский).

Начальником станции был назначен Н.В.Пинегин, участник полярной экспедиции лейтенанта Г.Седова 1912 г. В состав первой смены полярной геофизической станции, кроме начальника, вошли: геолог М.М.Ермолаев, принятый в 1928 г. на III курс геолого-почвенно-географического факультета Ленинградского государственного университета, гидролог К.Д.Тирон, географ и биолог А.И.Смесов, радист В.В.Иванюк и моторист В.И.Ушаков.

Особенностью проводимых работ было то, что, во-первых, персонал был крайне ограничен и участникам станции пришлось своими силами строить всю станцию, включая магнитный и аэрологический павильоны, во-вторых, в указанной части Арктики, по меньшей мере, на пять тысяч километров побережья не было ни одного порта, ни одного судна. Предполагалось, что участники экспедиции могут перебраться на остров по льду пролива Д.Лаптева. Первое затруднение устранялось тем, что в состав экспедиции включался один плотник, а остальные участники должны были овладеть строительными квалификациями в подразделениях Ленинградского порта. Так, Н.В.Пинегин освоил профессию стекольщика и маляра, М.М.Ермолаев – печника, А.И.Смесов и В.И.Ушаков стали плотниками, а К.Д.Тирон – кровельщиком.

В верховьях р. Лены, в селе Жегалове экспедиция погрузила на плот дом в разобранном виде, снаряжение, аппаратуру и продовольствие. В мае 1928 г. начался сплав по Лене, в Якутск плот причалил 10 августа, откуда до бухты Тикси грузы отбуксировал пароход «Лена». 15 сентября 1928 г. экспедиция достигла мыса Шалаурова на о. Большом Ляховском и начала строительные работы. 10 октября постройка станции была завершена, аппаратура и приборы смонтированы, и первая в Восточной Арктике коротковолновая радиостанция сообщила через Сидней (Австралия) о подъеме государственного флага СССР на Новосибирских островах. Ляховская геофизическая станция вступила в строй 21 октября 1928 г. Исследования проводились в течение оставшегося времени 1928 г. и в 1929 г. В задачу М.М.Ермолаева зимой входили пуск и наблюдение за полетом шаровзондов и обработка полученных данных под руководством Н.В.Пинегина. С апреля он приступил к обоснованию геодезической сети и топографической съемке о-ва Большого Ляховского.

С конца мая 1929 г. М.М.Ермолаев начал изучение геологии и геоморфологии о-ва Большой Ляховский, проводя одновременно его топографическую съемку. Для ее проведения он присоединился к группе промышленников-ламатов, с которыми кочевал по острову. В качестве платы за транспорт Михаил Михайлович обеспечивал промышленников дичью, которую добывал в избытке, благо у него был хороший карабин Манлихера, а промышленники были обеспечены луками-самострелами и кремневыми ружьями.

К декабрю обследование острова было закончено, в итоге у М.М.Ермолаева оказался богатейший материал по геологии и геоморфологии ост-

рова. Была выполнена и рекомендация АН СССР – собрана большая коллекция костей четвертичных животных – мамонтов, волосатых носорогов, лошадей, бизонов, мускусных быков и уникальные экспонаты, такие как череп пещерного льва и кусок бивня мамонта с насечкой, сделанной первобытным человеком каменным ножом. Кроме того, для отправки в Ленинград был отобран моноклит «каменного льда»...

Возвращение с острова на Большую Землю производилось двумя группами: основная, во главе с Н.В.Пинегиным, – через с. Казачье на Буллу и далее по реке Лене до Якутска. М.М.Ермолаев с группой из трех человек перешли на собачьих упряжках через пролив, Эбеляхскую губу к устью Яны и далее вверх по реке с перевалом через Верхоянский хребет. Во время этого перехода М.М.Ермолаев собирал геологические коллекции.

К апрелю 1930 г. группа М.М.Ермолаева со всеми материалами вышла на Тынду, а оттуда – на Сибирскую железную дорогу. Путешествие закончилось в Ленинграде 30 апреля 1930 г., а в мае доклады экспедиции, получившие высокую оценку, были заслушаны на заседании Президиума АН СССР. Палеонтологические коллекции М.М.Ермолаева были переданы на хранение в Зоологический институт, геологические – в Геологический институт АН СССР, а топографические материалы – в Гидрографическое управление, где были использованы для составления морских карт.

Второй Международный Полярный год – снова Новая Земля, Русская Гавань

После возвращения с Новосибирских островов М.М.Ермолаев в 1930 г. работал в Академии наук, переименованной к тому времени во Всесоюзный Арктический институт, он окончил геолого-почвенно-географический факультет ЛГУ. Здесь он продолжал обработку прежних лет, и началась подготовка к новым исследованиям в западном секторе Арктики.

В 1931 г. М.М.Ермолаев был назначен старшим геологом Всесоюзного Арктического института и начальником группы партий Академии наук. В том году ВАИ и Ленинградским районным геологоразведочным управлением (ЛГГРУ) была организована геологическая экспедиция на южный берег Маточкина Шара, которую возглавил М.М.Ермолаев. Здесь им были открыты выходы

Михаил Ермолаев проводит наблюдения на леднике. 1932 г.

кембрийских отложений, установлено существование реликтовых ледников на высоте 400 м над уровнем моря.

В 1931 г. правительство СССР решило принять участие в организации и проведении Второго Международного Полярного года. К подготовке наблюдений в Арктике по Международной программе Советский Союз приступил заранее. Были созданы полярные станции в бухте Тихой, на острове Домашнем, на мысе Желания. Было решено построить такие станции и на других островах, для постройки направлялись экспедиции. В 1932 г. М.М. Ермолаев был назначен геологом и начальником станции Русская Гавань на Новой Земле и руководителем акустических работ по зондированию высоких слоев стратосферы на сети полярных станций Земли Франца-Иосифа и Новой Земли.

Всего со стороны СССР участвовали 92 полярные станции, в том числе 33 новые. М.М. Ермолаеву было поручено выбрать на Новой Земле место для сейсмоакустической станции специального назначения, что и было сделано: местом полярной станции на Новой Земле была выбрана Русская Гавань, тем самым сбылась мечта профессора Р.Л. Самойловича: Русская Гавань стала арктическим научным центром.

Здесь была построена полярная станция,

призванная всесторонне изучать природу Новой Земли, а М.М. Ермолаев в 1932 г. был назначен начальником полярной геофизической обсерватории «Русская Гавань» и ее филиала в центральной части ледникового щита Северного острова Новая Земля.

На берегу залива встали аккуратные домики зимовки, на леднике Шокальского в десяти километрах от побережья установили палатку и начали проводить серии наблюдений за стратосферой методом звукового зондирования, а проще сказать – взрывая мощные заряды аммонала. Основными задачами обсерватории были сейсмоакустическое зондирование атмосферы, выполнение цикла аэрометеорологических работ и определение мощности ледника в центральной части ледникового щита Северного острова Новой Земли, а в летний период – проведение стационарных геологических и гляциологических работ.

Этот план осуществлялся совместно с Геттингенским университетом и Потсдамской обсерваторией. В состав зимовки был включен доктор Курт Вьелькен из Геттингена, сотрудник профессора Вихерта. Кроме того, в состав полярной станции «Русская Гавань» входили метеоролог Михаил Карбасников, ботаник Александр Зубков, механик Владимир Петерсен, плотник Михаил Сахаров и каюр Яков Ардеев. Итого семь человек.

Наверное, многие помнят кинофильм «Семеро смелых». В фильме много событий, взятых из реальной жизни зимовки в Русской Гавани в 1932–1933 гг.: тут и аэросани, и пурга на леднике, и немец-радист по имени Курт, и помощь попавшим в беду коренным жителям Севера, да и в самом названии фильма отражена «правда жизни» – в Русской Гавани жили и работали семь зимовщиков, тут были и русские, и ненец, и наконец ... немец. В одном создатели картины отошли от правды жизни: на зимовке не было женщины, роль которой в фильме великолепно исполнила Тамара Макарова.

Еще до начала работ Второго Международного Полярного года, когда составлялась программа исследований, М.М.Ермолаева пригласили в Германию, в Геттинген, в обсерваторию известного немецкого геофизика Вихерта. Однако интересы экспедиции настоятельно требовали присутствия ее руководителя в Ленинграде, и от заманчивой поездки пришлось отказаться. Вместо этого к группе зимовщиков прикомандировали немецкого геофизика.

Курту Вьелькену в ту пору было столько же лет, что и М.М.Ермолаеву – двадцать семь. Но в его послужном полярном списке значилось участие в очень крупной по тем временам гренландской экспедиции Альфреда Вегенера. А.Вегенер прославился своими работами в Гренландии, где героически погиб, пытаясь оказать помощь своим товарищам по зимовке.

Доктор Курт Вьелькен, рослый, в два метра ростом, рыжебородый красавец с голубыми глазами, был личностью разносторонней. Геофизик и гляциолог, он еще имел диплом чемпиона Ганновера по... танцам на продолжительность!

Для дальних научных поездок по ледниковому щиту Новой Земли, вытянутому на добрые триста пятьдесят километров, экспедиция использовала аэросани, сконструированные А.Н.Туполевым и носившие собственное имя АНТ-5. На этих быстроходных, маневренных, легких дюралевых санях с мотором мощностью около ста лошадиных сил обычно ездили втроем: Ермолаев, водитель Петерсен и Курт Вьелькен. Исследователи вели регулярные метеорологические наблюдения, производили взрывы аммонала, чтобы «нащупать» в высоких слоях стратосферы слои с различной температурой, собирали на побережье и в горах в глубине острова геологические коллекции, проводили геодезические и топографические изыскания, изучали ледяной и снежный покров архипелага.

Исследование стратосферы методом сейсмоакустического зондирования проводилось в Арктике по обширной сети, раскинутой на 800 км. На о. Рудольфа находился И.Балабин, в бухте Тихой в составе зимовки И.Д.Папанина работал доктор И.Шольц из Потсдама, занимавшийся изучением озона в верхних слоях атмосферы, и в Русской Гавани – М.М.Ермолаев и Курт Вьелькен.

Первые же зондирования, выполненные 6 января 1933 г., показали, что на высоте около 30 км в самый разгар полярной ночи над ледниковым щитом и на всей трассе прохождения звука над океаном и над архипелагом Земля Франца-Иосифа расположен устойчивый слой воздуха с

температурой от +10 до +30°. Эти результаты вызвали большой интерес и заставили провести аналогичные измерения в более южных районах, подтвердившие полученные данные.

Во время зимовки М.Ермолаев и К.Вьелькен впервые определили толщину ледникового щита в центральной части острова, оказавшуюся равной 750 – 800 км.

В разгар работы зимовщиков к Новой Земле подкралась большая беда: среди местных охотников-промысловиков, русских и ненцев, начался голод... Обычно каждое лето к становищам, факториям, избышкам обитателей архипелага подходили суда-снабженцы с грузами продовольствия, охотничьего снаряжения. Но в навигацию 1932 г., как часто бывает в Арктике, сплошные ледяные поля, спустившиеся в Баренцево море с севера, преградили дорогу пароходам. Понимая, что помощь придет в лучшем случае через год, летом 1933 г., местное население старалось растянуть запасы продуктов, восполнить их нехватку интенсивной охотой, но, как назло, зверя в тот сезон было крайне мало, и люди стали умирать.

На всем Северном острове Новой Земли только у семерки Ермолаева имелся полноценный запас продовольствия. Правительственная комиссия возложила на М.М.Ермолаева обязанности по оказанию помощи терпящим бедствие жителям промысловых поселков. Паек, предназначенный для семерых, надо было суметь разделить на сотни голодающих. К тому же этот разросшийся коллектив был разбросан на пространстве в двести пятьдесят километров!

В деле оказания помощи голодающим большую услугу экспедиции оказали аэросани. Ермолаев и Петерсен начали планомерно объезжать промысловые становища, доставляя туда спасительные продукты. А еще они подбадривали промысловиков, рассказывая о том, что на Большой Земле знают о горестях жителей Новой Земли, что там готовят спасательный рейс, что к Новой Земле готовится выйти ледокол «Красин», тот самый, что пять лет назад выручил погибавшую экспедицию генерала Нобиле.

Такой рейс готовился всерьез. В Мурманске снаряжали в небывалый зимний поход легендарный «Красин». История Севера не знала еще такого, что в полярные льды зимой готовился выйти корабль.

Теперь очень многое зависело от надежной работы новоземельских радиостанций, от мыса Желания и Русской Гавани. Ледоколу требовались

надежные сведения о состоянии морских льдов у западного побережья архипелага, и эти сводки, а также радиопеленг с берега должны были регулярно и бесперебойно поступать на борт «Красина», а тут «по закону подлости» на мысе Желания вышел из строя мощный радиопередатчик, сгорели радиолампы. Спасательный рейс оказался под угрозой срыва. На полярную станцию Русская Гавань о беде сообщили по слабенькой аварийной радиостанции. Нужные детали там были, но как их доставить на мыс Желания? Оставался один путь – двинуться по самому ледниковому щиту, по его центральной части. Это был самый короткий маршрут – чуть более двухсот километров, но путь проходил по таким местам ледникового щита, где еще никому из исследователей не приходилось бывать. К тому же только что кончилась полярная ночь, часто свирепствовала новоземельская бора. Но выбора не было, в марте «Красин» должен выйти из Мурманска, а было уже 23 февраля 1933 г.

Ермолаев и Петерсен погрузили в аэросани аварийный запас продовольствия, запас бензина, надежно упаковали бесценные радиолампы; пришлось взять с собой и Курта Вьёлькена, пожелавшего принять участие в этой спасательной операции. Они предполагали, что если ничего не случится, удастся добраться до мыса Желания к вечеру того же дня.

Но в Арктике в намечаемые планы человека часто и неожиданно вмешивается природа; так и случилось с нашими путешественниками. Только проехали первые несколько десятков километров, как началась новоземельская бора – ураганный ветер, образованный перепадом повышенного давления над Карским морем и пониженным над Баренцевым. Скорость ветра при этом явлении достигает 30 м/с и выше при жесточайших морозах.

Ермолаев, Петерсен и Вьёлькен провели в наспех вырубленной во льду яме целую неделю. Когда погода наладилась, путники раскопали аэросани, прогрели на примусе карбюратор, запустили двигатель, но проехать

удалось всего несколько сот метров – закончился шестикратный запас бензина, все съела невыносимая ледовая трасса. До мыса Желания оставалось сто с лишним километров!

Дискуссия на тему «Как быть?» была недолгой – в рюкзаках лежали заветные радиолампы. Итак: путь пешком на северо-восток. Для опытных полярников задача вполне выполнимая, но кончились продукты. Начался март, месяц довольно светлый, но морозы с ветром достигают днем $-35-40^{\circ}$. Так они и шли, пританцовывая от холода. Ермолаев и Петерсен несли на плечах шест, на котором висел мешок со всеми их припасами, включая радиолампы, чуть сзади брел Курт, которому был доверен бидон с последними четырьмя литрами бензина для примуса. В первый же день, споткнувшись, Курт пролил половину запаса бензина.

Но в целом первый день был удачным: прошли 25 км, на другой день столько же. К концу третьего дня выяснилось, что Курт начинает отставать, более того, он стал падать духом. Все чаще он просил своих спутников оставить его и быстрее идти к мысу Желания за спасательной партией. Но оставить человека одного в самом центре безжизненного ледника было невыносимо. Его не смогла бы найти никакая спасательная партия. Единственное, что можно было предпри-

Аэросани экспедиции М. Ермолаева. Русская Гавань, Новая Земля

нять, – как можно быстрее выйти к морскому берегу, найти там приметное место и соорудить временное жилище для Курта, а самим двигаться за подмогой.

Наступил день, когда Курт Вьелькен наотрез отказался идти дальше. Еще какое-то время Ермолаев и Петерсен вели его под руки. У них кончились продукты, осталась последняя плитка шоколада. В довершение к несчастьям на одном из привалов Курт оставил последний запас бензина, им не на чем было даже согреть воды. А до мыса Желания оставалось еще 40 км!

Путники вышли на пологий склон ледникового щита в районе залива Красивый и начали устраивать пристанище для Курта: соорудили маленькую хижину из снега, камней и плавника, уложили Курта на бревенчатый настил, укутали в меховые малицы, завесили вход единственным одеялом, служившим им постелью в дороге. Они отдали Курту остатки шоколада и после долгих колебаний – единственный револьвер с шестью зарядами. На прощанье М.М.Ермолаев коротко сказал Курту:

– Не вздумай сделать глупость! Тебя спасут. Мы отдали тебе все. Пожалуйста, помни о нас. Будет нечестно, если ты используешь оружие не по назначению ...

Двое побрели вдоль берега. Путь им преградил ледник, обходить который сил уже не оставалось, и они пошли по молодому морскому льду, в обход. Увидев свежие медвежьи следы, вначале обрадовались: раз лед выдержал медведя, пройдут и они, но потом стало тревожно за Курта, вдруг медведь учует хижину.

Все оставшиеся сорок километров Ермолаев и Петерсен считали шаги, помня о геологической привычке: в неизвестных местах считать шаги и брать азимуты для ориентировки.

На исходе мартовского дня они увидели Оранские острова, за которыми был мыс Желания. И вот прямо перед ними засиял всеми окнами дом. Из дома вышел метеонаблюдатель. Увидев две фигуры перед собой, он вскрикнул от неожиданности, приняв их за медведей. Почему-то Михаил Михайлович вежливо спросил:

– Простите, пожалуйста, это мыс Желания, да?

В ответ раздался восторженный вопль:

– Господи, «Русская Гавань» пришла! Но ведь вы же погибли две недели назад....

Ермолаев и Петерсен сидели в доме и пили чай. Стаканами, десятками стаканов. Есть им не давали, слишком долго они голодали! Потом,

прежде чем забыться в суточный сон, Михаил Михайлович опухшими пальцами нарисовал схему поиска Курта Вьелькена. Через час ушла спасательная группа.

Проснувшись, Ермолаев забеспокоился, правильно ли он указал путь поисковикам? С момента выхода спасательной группы пошли уже третьи сутки, германское посольство из Москвы слало радиogramмы примерно одного содержания: «Немедленно сообщите, при каких обстоятельствах брошен в арктической пустыне Курт Вьелькен...» Несмотря на боль в ногах, Ермолаев вышел навстречу поисковой партии. Пройдя около 12 км, он увидел вереницу людей, впереди вышагивал долговязый Курт. Выяснилось, что это он задал такой темп движения: в первый день пройти не больше 5 км, во второй – десять и так далее.

Ермолаев и Петерсен не зря тревожились за судьбу Курта. Вскоре после ухода товарищей он услышал скрип снега, «портьера» отодвинулась, и в проем просунулась голова белого медведя! Курт выпалил в медведя шесть раз, раненый медведь бросился наутек, а Курт в изнеможении опустился на подстилку. В таком виде его и обнаружила спасательная группа.

10 марта 1933 г. все трое снова были вместе в тепле среди зимовщиков мыса Желания, а через неделю из Мурманска вышел в свой легендарный рейс ледокол «Красин». Оживший передатчик мыса Желания теперь мог поддерживать с кораблем надежную устойчивую связь.

Поздней осенью 1933 г. экспедиция М.М.Ермолаева в полном составе вернулась в Ленинград, передав станцию Русская Гавань в систему гидрометеослужбы. Курту Вьелькену предлагали покинуть Новую Землю раньше, на ледоколе «Красин», но он заявил:

– Я останусь с теми, кто спас мне жизнь.

Вьелькен быстро поправился и продолжал свои исследования на Новой Земле. Немецкий геофизик трогательно привязался к советским друзьям-полярникам и неизменно подчеркивал, что обязан им жизнью. Около года он провел в Ленинграде, и у него было желание вернуться в Россию. Но в это время к власти в Германии пришел Гитлер, и едва Вьелькен ступил на свою землю, как его схватили и упрятали в концлагерь. Третий рейх не мог простить ему ни пребывания в СССР, ни дружбы с «красными». Он выжил чудом, с помощью влиятельного родственника бежал из заключения и, пережив различные приключения, через Баварию и альпийские ледники сумел уйти за границу. Курт Вьелькен обос-

новался в Буэнос-Айресе, где много лет возглавлял крупную геофизическую обсерваторию.

В январе 1934 г. М.М.Ермолаеву был вручен орден Трудового Красного Знамени, которым он был награжден «за самоотверженную помощь бедствующим новоземельским промышленникам».

В 1934 г. М.М.Ермолаев совместно с профессором Р.Л. Самойловичем организовали в Ленинградском госуниверситете кафедру географии и истории изучения полярных стран, выпустившую немало широкоизвестных ученых и полярных исследователей, среди которых надо назвать имена доктора наук А.П.Шумского, члена-корреспондента АН СССР А.Ф.Трешникова, академика Б.С.Соколова. На этой кафедре М.М.Ермолаев читал курсы лекций по гляциологии в 1934 – 1937 гг.

В 1935 г. Главсевморпуть СССР начал проводить высокоширотные экспедиции на ледокольных пароходах для постановки географических и океанологических исследований периферической части глубоководного полярного бассейна. Первой экспедицией такого типа была экспедиция 1935 г. на ледокольном пароходе «Садко» под начальством Г.А.Ушакова и под руководством профессора Н.Н.Зубова. В этой и последующих (1936–1938 гг.) экспедициях М.М.Ермолаев проводил морские и глубоководные донные исследования. Наиболее результативной была экспедиция 1935 г., в результате которой был установлен мировой рекорд свободного плавания до 82°4Г северной широты, открыты желоба Св. Анны и Воронина, глубоко врезающиеся в шельф со стороны полярного бассейна.

В 1930-е гг. активно проводилось экспедиционное изучение геологического строения Новой Земли, которую проводили сотрудники ВАИ и

ЛенРГГУ (С.В.Обручев, В.К.Есипов, Б.К.Лихарев, В.М.Лазуркин, Е.Н.Фрейберг, В.А.Куклин, Н.Н.Мутафи, А.А.Петренко, Г.В.Горбачкий, И.Ф.Пустовалов, М.М.Ермолаев и другие геологи). Геологические работы на Новой Земле были развернуты в ходе подготовки и проведения в СССР XVII Международного геологического конгресса, так как конгресс предусматривал специальное рассмотрение вопросов геологии Арктики.

В 1937 г. М.М.Ермолаев был утвержден ученым секретарем Арктической секции XVII Международного геологического конгресса. К открытию конгресса группой М.М.Ермолаева во Всесоюзном Арктическом институте была составлена и опубликована первая геологическая карта Советской Арктики масштаба 1:2500000 с объяснительной запиской к ней (том 87 трудов ВАИ), а также арктические листы геологической карты СССР в масштабе 1:5000000, признанные на конгрессе лучшими из всего, что имелось тогда в мировой картографии.

В 1936 г. была опубликована монография М.М.Ермолаева «Геология Новой Земли», где были подведены первые итоги советских экспедиций на этот архипелаг. Летом 1937 г. Новую Землю посетила экскурсия участников МГК. В экскурсии, руководимой С.В.Обручевым, участвовали 28 человек, в числе которых было 17 иностранных геологов. Они осмотрели губы Черную, Белую, Малые Кармакулы, Маточкин Шар, залив Благополучия, мыс Желания, а также Русскую Гавань, Архангельскую губу и губу Митюшиху.

17 марта 1937 г. М.М.Ермолаев был утвержден ВАКом СССР в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

В том же году М.М.Ермолаев участвовал в третьей высокоширотной экспедиции на ледо-

*Михаил Михайлович Ермолаев.
Последние годы жизни*

колом

кольном пароходе «Садко». К северу от Новосибирских островов судно вместе с ледокольными пароходами «Г.Седов» и «Малыгин» попало в ледовый плен, и 23 октября 1937 г. начался беспрецедентный ледовый дрейф трех пароходов, продолжавшийся до 30 августа 1938 г., когда «Садко» и «Малыгин» были выведены из ледового плена ледоколом «Ермак». Всю эту тревожную зиму в высоких широтах Арктики продолжала работать высокоширотная экспедиция, возглавляемая Р.Л.Самойловичем.

В этом тяжелом и опасном дрейфе участвовали 217 человек, среди которых были и женщины. Штаб экспедиции размещался на «Садко», где проводились и основные научные наблюдения. В апреле 1938 г. основная группа зимовщиков, в числе которых были Р.Л.Самойлович и М.М.Ермолаев, была эвакуирована самолетами на Большую Землю. На дрейфующих судах осталось 33 человека. Начальником зимовки был оставлен опытный судоводитель-полярник, капитан дальнего плавания Н.И.Хромцов, командовавший «Садко».

По возвращении из «лагеря трех кораблей» М.М.Ермолаев перешел на работу в Ленинградский университет на кафедру, возглавляемую Л.С.Бергом, где начал читать курсы общего землеведения и географии полярных стран.

Годы репрессии, 1938 – 1948 гг.

6 июля 1938 г. М.М.Ермолаев был арестован. При обыске у него была изъята и, вероятно, уничтожена готовая докторская диссертация «Оледенение Новой Земли». После этого вопросами оледенения он больше не занимался.

В 1939 г. он был выпущен на волю без объявления причин, а через месяц-другой вновь арестован и обвинен «... в принадлежности к вредительской группировке». Узнав об аресте молодого, очень известного в научных кругах полярного геолога, академик Д.В.Наливкин направил «в органы» нечто вроде речательства за коллегу. Хотя это не помогло, такие свидетельства о нормальных человеческих поступках остаются в людской памяти навсегда.

11 ноября 1939 г. М.М.Ермолаев был осужден трибуналом Ленинградского военного округа на 12 лет лишения свободы. Ему были предъявлены следующие обвинения: шпионаж, тесная связь с «врагами народа» (его свояк и друг Р.Л.Самойлович был арестован в мае 1938 г., после возвращения из «лагеря трех кораблей», 4 марта

1939 г. был приговорен Верховным судом СССР по ст. 58 к расстрелу и в тот же день расстрелян) и иностранцами (вспомните совместную зимовку с немцем Куртом Вьелькеном), «вредительский отрыв народных средств на бесплодное изучение морского дна».

Следователи безуспешно пытались получить от него письменные показания против академика В.А.Обручева и трех его сыновей-геологов. Кому-то очень мешал этот редкостный клан исследователей...

Допросы велись в Ленинграде и Москве. М.М.Ермолаев был осужден ОСО при НКВД СССР 30 декабря 1940 г. по ст. 58 на 10 лет лагерей.

В 1940–1944 гг. он работал на строительстве Воркутинской (Северной) железной дороги. На него была возложена задача разработки вариантов трассы и участие в перепланировке некоторых разделов генерального проекта железной дороги. Им был разработан новый метод укладки шпал на вечную мерзлоту, что привело к сокращению сроков строительства железной дороги. За это срок заключения ему был сокращен на два года. В 1941 г. М.М.Ермолаев был назначен старшим инженером производственного отдела и занимался разведкой и разработкой карьеров строительных материалов. Разработал и создал установку для получения карбида кальция, необходимого для мостостроения.

Годы после окончания репрессий

В течение 10 лет М.М.Ермолаев был ссыльно-поселенцем в Архангельской области. Комитетом по геологии при СНК СССР он был назначен главным геологом и заместителем начальника Северного геологического управления.

В 1948 г. М. М. Ермолаев был назначен Министерством геологии СССР главным геологом поисковой, а затем и разведочной экспедиции по поискам и разведке бокситов на р. Онеге. В 1954 г. он закончил разведку западной части нового Североонежского бокситового месторождения, предварительные запасы которого были утверждены ГКЗ в следующем, 1955 г. В том же году М.М.Ермолаев получает официальное извещение из Главной военной прокуратуры о том, что «товарищ Ермолаев Михаил Михайлович по настоящему делу полностью реабилитирован».

В 1957 г. Министерство геологии СССР назначает М.М.Ермолаева союзным куратором по бокситам и переводит его в Ленинград, в группу по

организации нового института по методике и технике разведки, одновременно назначив его начальником отдела методики поисков.

И снова геология полярных стран...

В 1958 г. М.М.Ермолаев избирается по конкурсу на должность доцента географического факультета Ленинградского университета. Здесь на кафедре, возглавляемой академиком С.В.Калесником, он ведет курсы по общему землеведению, геохимии ландшафта, геологии и литологии океана. Одновременно на геологическом факультете он читает курсы литологии морских осадков и геохимии океана.

В мае 1957 г. ВАК СССР утверждает М.М.Ермолаева профессором, а в 1965 г. он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук. В 1966–1967 гг. Минвузом СССР он назначается вначале замначальника, а затем начальником межвузовских океанологических учебных экспедиций на экспедиционном судне «Батайск», где проводит подготовку морских геологов различных вузов, а также большой группы иностранных студентов, обучающихся в вузах СССР. В эти годы 65-летний профессор М.М.Ермолаев снова посетил Новосибирские острова, после сорокалетнего перерыва, взяв с собой группу студентов-географов.

В 1970 г. на V съезде Географического общества СССР по инициативе академика К.К.Маркова было принято решение об организации кафедр географии океана в двух университетах страны. По предложению адмирала Г.Горшкова такие кафедры были открыты в двух приморских университетах, во Владивостоке и Калининграде.

М. М. Ермолаев перешел на работу в Калининградский университет и 1 сентября 1971 г. был избран заведующим кафедрой географии океана. За время работы кафедра подготовила сотни специалистов по географии океана, работающих в Министерстве рыбного хозяйства, в Институте океанологии Академии наук, в Гидрометеослужбе, в системе ВСЕМОРГЕО и других учреждениях.

За время своей педагогической деятельности М.М.Ермолаев подготовил и выпустил с защитой диссертации несколько десятков кандидатов наук, из которых трое впоследствии защитили докторские диссертации. Среди успешно подготовивших и защитивших кандидатскую диссертацию

под руководством Михаила Михайловича Ермолаева следует назвать сотрудника Института геологии Коми научного центра УрО РАН, бывшего ученого секретаря института, бывшего заместителя директора по научной работе Вячеслава Васильевича Беляева, который защитил диссертацию под названием «Визейские бокситы Южного Тиммана, их минералогия и генезис» в ноябре 1972 г. в Казанском госуниверситете.

Михаил Михайлович Ермолаев оставил работу на кафедре географии океана Калининградского университета в 1983 г. и, выйдя на пенсию, уехал в Ленинград. В 1991 г. его не стало.

Имя Михаила Михайловича Ермолаева известно всем, кто имеет хотя бы малейшее касательство к истории освоения Арктики и геологии арктических регионов. Он входил в состав т.н. «сборной Союза», «гнезда Самойловича». Это был цвет полярной науки и мореплавания – одаренные ученые и гидрографы, те, кто прокладывал первые маршруты Северного морского пути, по Центральной Арктике. Своеобразным «центрфорвардом» этой «сборной», по образному выражению известного полярного гляциолога, автора многих популярных книг о героях Арктики З.М.Каневского, был Михаил Михайлович Ермолаев. С 1931 г. он был действительным членом Всероссийского географического общества. С 1932 г. – почетным членом Географического общества США, действительным членом Международного общества «Аэроарктика». Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1934 г.), «Знак Почета» (1976 г.), золотой медалью имени П.П.Семенова-Тяньшанского Всесоюзного географического общества. Именем Михаила Михайловича назван ряд географических пунктов на Новой Земле: бухта в заливе Рейнеке на Южном острове, северный входной мыс в заливе Мелкий, гора на южном берегу залива Русская Гавань.

Вместо послесловия

Из воспоминаний В.В.Беляева
о своем научном руководителе –
М. М. Ермолаеве:

«Мне неоднократно довелось встречаться с Михаилом Михайловичем как в Ленинграде, так и в Калининграде; не раз бывал у него на кафедре и дома. Это был не только крупный ученый с широкими и разносторонними познаниями в самых различных областях науки, но и прекрасный человек, очень доброжелательный и отзывчивый, близко к сердцу принимавший невзгоды окружавших его людей. Недаром сотрудники его кафедры в Калининградском университете, с которыми мне приходилось общаться, с какой-то особой теплотой и, я бы сказал, даже нежностью отзывались о Михаиле Михайловиче. Таким он и остался в моей памяти».

Литература

Арктика – мой дом // Полярная энциклопедия школьника. История освоения Севера в биографиях знаменитых людей. М.: Северные просторы. 2000.

Белов М.И. Советское арктическое мореплавание; 1917– 1932 гг. / История открытия и освоения Северного морского пути. Том третий. Л.: «Морской транспорт». 1959. 510 с.

Бедов М.И. Научное и хозяйственное освоение Со-

ветского Севера: 1933–1945 гг. / История открытия и освоения Северного морского пути. Том четвертый. Л.: Гидрометеоиздат. 1969. 616 с.

Ермолаев М.М. Геология Новой Земли / Труды Арктического института. Том 87. Л.: 1936.

Ермолаев М.М. Автобиографическая справка (рукопись). Калининград, КГУ. 1980-е гг.

Каневский З.М. Льды и судьбы. М.: «Знание». 1980. 208 с.

Каневский З.М. Вся жизнь – экспедиция. М.: Мысль. 1982. 108 с.

Каневский З.М. Это было в полярных широтах. М.: Политиздат. 1985. 192 с.

Каневский З.М. Загадки и трагедии Арктики. М.: «Знание». 1991. 192 с.

Репрессированные геологи (Биографические материалы). С-Пб. 1992. 152 с.

Тимонин Н.И. Новоземельский мемориал. Сыктывкар. 1995. 296 с.

Тимонин Н.И. М.М.Ермолаев / Республика Коми. Энциклопедия. Т. ГС. 425-426.

Тимонин Н.И. Арктическая одиссея Михаила Михайловича Ермолаева (К 100-летию со дня рождения М.М.Ермолаева) / Полное собрание разлук. Литературный альманах. Сыктывкар. 2005. С. 411-428.

Николай Иосифович ТИМОНИН

родился в 1934 г.

Доктор геолого-минералогических наук.

С 1961 г. работает в Институте геологии Коми НЦ УрО РАН.

В течение многих лет проводил

полевые экспедиционные исследования на Тимане, Северном,

Приполярном и Полярном Урале, Пай-Хое, о-вах Вайгач и Новая Земля.

Автор многих научных трудов.

Живет в Сыктывкаре.

В журнале «Север» публикуется впервые.

